

Л. Г. Дорофеева

**МОТИВ ПОКАЯНИЯ И СЮЖЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
«АВТОБИОГРАФИИ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА**

Рассматривая «автобиографию» Владимира Мономаха в контексте смысловой формы «исповеди-самоотчета», автор статьи приходит к выводу, что покаяние является основным мотивом, организующим логику развития сюжета второй части «Поучения».

128

The analysis of Vladimir Monomakh's "autobiography" in the context of the confession-reflexion form brings the author to the conclusion that repentance is the central motif dominating the logic of the plot in the second part of the Instruction.

Ключевые слова: древнерусская литература, исповедь, «самоотчет-исповедь», покаяние, смирение, сюжет, мотив.

Key words: Old Russian literature, confession, confession-reflexion, repentance, humility, plot, motif.

Вторая часть «Поучения» Владимира Мономаха, которую исследователи называют *автобиографией*, действительно представляет собой рассказ Мономаха о своей жизни. Но назвать автобиографией этот рассказ вряд ли можно, так как, по словам М. Бахтина, Средние века «не знали биографических ценностей» [3, с. 131]. В своей предыдущей статье [4] мы говорили о поступке и исповеди-самоотчете как основной, определяющей смысловой форме первой части произведения Мономаха — его поучения детям. Главный признак, свойство этой смысловой формы — ее исповедальность. По словам М. Бахтина, «там, где является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного должностования, возникает первая существенная форма словесной объективации жизни и личности (личной жизни, то есть без отвлечения от ее носителя) — самоотчет-исповедь», для которой характерно «стремление к своему “пределу”» — «чистому ценностному одинокому отношению к себе самому», когда «*другой* бывает нужен как судья, который должен судить меня, как я себя сам сужу, не эстетизуя меня» [3, с. 124]. (Эстетизация в принципе чужда древнерусскому тексту в силу его специфики, что неоднократно отмечали ученые-медиевисты.)

Мотив покаяния является главным в первой части «Поучения» и, как мы это попытаемся показать ниже, не менее значимым во второй, «автобиографической» его части.

На первый, внешний взгляд, во второй части произведения перед нами предстает подробный и фактографически точный¹ отчет Мономаха о своей жизни с перечислением большинства походов в хронологическом порядке, описанием не только воинских, но и мирских, «кня-

¹ О функциях этой фактографичности см.: [5, с. 224–225; 6, с. 217].

жеских» доблестей, что и составляет событийную основу сюжета. Такой взгляд естественным образом подводит нас, с одной стороны, к выводу о политической и дидактической целях Мономаха как основных² и, с другой стороны, к достаточно неожиданному выводу о возникающих «образах» Мономаха, различающихся в первой и во второй частях «Поучения». А.М. Панченко усмотрел во второй части «Поучения» двойственное содержание, определяемое «сосуществованием языческого “обычая” и христианского “закона”», связал эту двойственность с «двоименностью» героя и указал на присутствие цитат из Псалтири в первой части произведения и отсутствие во второй. «Про первую можно сказать, что она написана Василием. <...> Вторая часть написана князем Владимиром, воином и охотником. *Достаточно прочесть ее, чтобы увидеть: ни Десятисловие, ни Нагорная проповедь на этот текст не влияют* (курсив наш. — Л.Д.)» [8, с. 48–49].

Последнее утверждение, на наш взгляд, нуждается в проверке.

Рассмотрим образ «идеального» князя — Владимира Мономаха — в ценностном аспекте, в связи с сюжетным движением. Обратим при этом внимание не только на внешний, но прежде всего на внутренний сюжет, который и является основным, определяющим сюжетный рисунок повествования.

Как нам кажется, на протяжении всей так называемой «автобиографии» Мономах ведет повествование не к тому, чтобы показать свои воинские подвиги и снискать ими славу, а к рассказу о своем главном *внутреннем событии*: о том, как его посетила жалость к христианским душам.

На первый взгляд бесстрастный, фактографически-сухой рассказ о походах вне оценочного подхода к ним «вдруг» переходит в другой план: появляется эмоциональность, чувство сострадания. Мономах пишет о том, как он «сжаливсьи хрестьяных душъ и сель горящих и манастырь» [1, с. 404] и как возмутилась его душа оттого, что «хваляться поганые» горящими селами и монастырями. Основной смысл ценностного выбора автора и заключается в его словах: «И рех: “Не хвалитися поганым!” И *вдахъ брату отца его мѣсто* (курсив наш. — Л.Д.), а самъ идох на отца своего мѣсто Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхдохом сквозъ полкы половъчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, Богъ и святыи Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю» [1, с. 404].

Совершилось главное *событие*: внутренний переворот в отношении к основному вопросу всего произведения — «владению землей». Мономах отказывается от своих завоеваний ради христианских ценностей. Перед нами — момент пробуждения национального и одновременно христианского самосознания, когда происходит *перемена мыслей* (от греч. μετανοια, букв. «после ума», «переосмысление»), что и означает

² Так, Д.С. Лихачёв считал, что все три части объединяет «тема необходимости морального упорядочения нового политического строя» [7, с. 141].

покаяние: войну за власть над уделом брата Мономах осознал как свой грех, как зло для Русской земли, — и изменился! На наш взгляд, это центральная часть так называемой «автобиографии», наиболее значимая в идейном смысле. Неслучайно здесь возникает образ святого Бориса-страстотерпца: в день памяти этого святого Мономах уходит из Чернигова, что для него является провиденциальным знаком. Вспомним, что именно проблема власти — отказа от нее ради спасения души — лежит в основе подвига страстотерпцев Бориса и Глеба. (Показательно сходство слов Мономаха в третьей части с монологом Бориса [1, с. 410; 2, с. 282].)

130

За праведность этого выбора и поступка и по молитвам Мономаха было явлено чудо: невредимо прошла дружина около ста человек с женами и детьми через полки половецкие, в чем видит Мономах помощь Бога и святого Бориса и что передается им очень поэтично: половцы — волки, «облизывающиеся» на русских воинов. Именно с добровольного ухода Мономаха из Чернигова, бывшего уделом его брата, войны, которые он ведет, становятся защитительными, обретают иную мотивировку.

С этого момента и далее в изложении всех походов проявляется *ценностное к ним отношение*. А также появляется фраза, не звучавшая ранее, теперь же повторяемая Мономахом многократно: «И Бог ны поможе» [1, с. 404, 406]. Если о помощи свыше до рассматриваемого эпизода говорилось лишь однажды, в связи с битвой на Белой Веже против половцев, состоявшейся в день Успенья Богородицы (что стало знаком праведности этой битвы), то после этого *покаянного поступка* — ухода из Чернигова, отчины брата, — помощь Бога и святых упоминается шесть раз. Причем походы на братьев теперь объясняются с нравственной стороны: так, на Ярославца Мономах пошел потому, что уже «не терпяче злобь его» («не стерпел злодеяний его») [1, с. 407], и на Глеба ходил потому, что он «оже ны бяше люди заяль» («наших людей захватил») [1, с. 407].

Итак, сама логика повествования выстраивает внутренний сюжет, основанный на внутреннем же ценностном самоопределении автора, о чем говорят отмеченные выше эмоциональность повествования, а также Божественное присутствие в ключевые моменты нравственного и духовного выбора Мономаха. Таким образом, перечисление всех походов отнюдь не означает равного к ним отношения автора и полной безоценочности, а может толковаться как своего рода «отчет» в собственных деяниях перед Высшим судьей, *форму покаяния*, что явно присутствует в двух обрамляющих «автобиографию» частях — поучении и письме, и что позволяет увидеть в «автобиографической» части ту же смысловую форму «исповеди-самоотчета».

После рассказа о своих воинских деяниях Владимир Мономах описывает свои подвиги на охоте, которые также отражают черты доблести: мужество, ловкость, бесстрашие. Казалось бы, свойства эти не обязательно христианские (доблесть, например, — одна из главных языческих ценностей). Но следует отметить, что названные положительные

качества не отменяются христианством, но обретают иное смысловое наполнение, так как теперь они имеют иную мотивировку.

Так, бесстрашие князя, эта так называемая «мирская» черта, вырастает из смирения, из уверенности Мономаха в действии Промысла Божия, что выражено в его словах: «...никтоже вас не может вредиться и убить, понеже не будет от Бога повелѣно» [1, с. 408]. Эта уверенность Мономаха вырастает из евангельских слов: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без [воли] Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Матф. 10: 28–30). Именно эта мотивировка определяет особый тип поведения в экстремальных ситуациях: внешне может быть проявлена отчаянная смелость, почти безумие в отношении к собственной жизни, а внутренне — смиренное признание воли Божией и Его участия в жизни человека. Так тема смерти, которая является сквозной в «Поучении», решается и в «автобиографической» части произведения Мономаха в смиренном плане.

Мономах как человек смиренный все, что было сделано доброго, относит не к себе, а к милости Божией, и воздает Ему хвалу. И это не проявление этикетности, а выражение представлений писателя о человеке как творении Бога.

В результате перед нами предстает на страницах «автобиографии» человек смиренный и при этом деятельный, активный, волевой. Но, как известно, главная характеристика категории смирения состоит в отказе от своей воли и подчинении ее воле Бога. Это противоречие снимается самой идеей княжеского служения христианина, для которого его служение есть главное жизненное дело. И оно заключается в совершении воли Божией во всех делах, включая домашние. Поэтому та ответственность, которую князь несет перед Богом за своих подданных, делает его активность проявлением именно смирения перед волей Высшей. Он должен действовать не от себя, но включая свою волю и самого себя в это действие, согласованное с Промыслом Божиим, вследствие чего сюжет становится по типу своему провиденциальным.

На наш взгляд, из общего покаянного контекста всего произведения вторая часть не выпадает. Перед нами тот же образ смиренного человека, продолжающего свое поучение детям отчетом о своем княжеском служении. Покаяние является основным мотивом, организующим логику развития сюжета в «автобиографии» Владимира Мономаха.

Список литературы

1. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI– начало XII века. М., 1978.
2. Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу // Там же.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Дорофеева Л. Г. «Поучение» Владимира Мономаха как исповедь-самоотчет: к проблеме интерпретации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. Калининград, 2010. С. 97–101.
5. Лепяхин В. В. Икона и иконичность. СПб., 2002.

6. *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / 3-е изд. М., 1979.
7. *Лихачёв Д. С.* Избр. работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском.
8. *Гумилев Л. Н., Панченко А. М.* Чтобы свеча не погасла: диалог. Л., 1990.

Об авторе

Людмила Григорьевна Дорофеева — канд. филол. наук. доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: slavphil@newmail.ru

About author

Lyudmila G. Dorofeyeva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: slavphil@newmail.ru